

Д.О. Труфанов

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ

Представлен опыт эпистемологической рефлексии в отношении рациональности как социологической категории. Рассмотрена проблема качественной определенности рациональности, выделены ее существенные признаки. Критически обсуждены социологические концепции рациональности, дана их классификация по основанию моделей дефиниции данного понятия. Сформулированы критерии социологического дискурса о рациональности. Дано социологическое определение рациональности как когнитивной самореференции социума.

Ключевые слова: предмет социологии; рациональность; признаки рациональности; социологические теории рациональности; постнеклассический социологический подход; универсальная теория рациональности.

Как известно, предметом социологии выступают свойства ее объекта – социальной реальности. Рациональность – одно из фундаментальных свойств социальной реальности – входит в предметное поле социологии и представляет собой теоретическую и методологическую проблему. К проблеме рациональности обращались и обращаются многие классические и современные авторы, она имеет обширную библиографию и сохраняет актуальность. Но при всех достижениях социологической мысли многие вопросы существования и развития рациональности не получили ясных ответов. Крайне дискуссионными остаются проблемы дефиниции и критериев рациональности, статуса рациональности как социального явления, общей социологической теории рациональности, отделения понятия рациональности от оценочных интерпретаций и ряд других теоретических затруднений [1. С. 5–6]. Ключевой методологической проблемой выступает отсутствие общих критериев социологического понимания рациональности. С одной стороны, это обусловлено множеством подходов к ее объяснению, которые используют разные языки описания своего предмета. С другой стороны, во многих социологических текстах наблюдается смешение философских и социологических принципов изучения рациональности. При этом если в философском дискурсе обсуждается рациональность как предмет философского изучения [2–7], вырабатываются критерии и нормы философского осмысления рациональности, публикуются учебные пособия [8, 9], в которых рассматриваются эти критерии и нормы, то в социологии явно ощущается недостаток эпистемологической рефлексии в отношении критериев социологического подхода к исследованию рациональности. Это приводит к произвольному употреблению термина «рациональность» в социологических текстах в десятках различных, нередко конфликтующих значениях, а также к теоретическому плюрализму, в результате которого социологический дискурс о рациональности распадается на множество разрозненных неинтегрированных фрагментов знания. Указанные обстоятельства делают анализ рациональности как предмета социологического изучения актуальной задачей социологического теоретизирования.

Цель статьи – осмысление рациональности как предмета социологии. Статья призвана внести вклад в

дискуссию о рациональности и способствовать выработке общих критериев социологического дискурса о рациональности. Начать такое осмысление следует с рассмотрения существенных признаков рациональности, выражающих ее качественную определенность. Эта задача заставляет нас обратиться к философии, в рамках которой был сформулирован концепт рациональности.

Проблема качественной определенности рациональности. Впервые оппозиция рациональный – иррациональный получает обсуждение в философии пифагорейцев, где рациональность рассматривается как *мера, выражающая соизмеримость величин* [10. С. 58–61]. Несоизмеримые величины (не имеющие общей меры) были названы иррациональными. Письменную фиксацию данной интерпретации получила в «Началах Евклида» [11. С. 101]. Она имеет основополагающее значение для дискурса о рациональности, так как здесь задана система координат для всех последующих ее интерпретаций. Данная система устанавливает наличие двух начал – измеряемого и измеряющего. Первое – объективно и содержит свойства соизмеримости и несоизмеримости вещей как они есть в действительности, второе – субъективно и указывает на способ отражения (измерения) этих свойств человеческим сознанием. Отношение между этими началами, которое может быть выражено определенной общей мерой (теми или иными единицами измерения), есть рациональность; отношение, которое такой мерой не выражается, есть иррациональность. Рациональность, таким образом, предполагает удвоение позиций – выделение «трансцендентных точек отсчета и специфического угла зрения, с позиций которого оценивается и систематизируется реальность» [12. С. 45]. Иррациональность, напротив, обозначает слитость, неразделенность, неизмеримость реальности, в которой отсутствует позиция измеряющего субъекта.

Эффект удвоения позиций обуславливает рефлексивный характер рациональности как ее базовое условие. Как известно, основанием осуществления рефлексии выступает наличие метапозиции по отношению к рефлектируемому объекту – когда рефлектирующий субъект отделен от объекта и обладает собственной точкой наблюдения. Характерно, что рациональность и рефлексивность связывают многие авторы [13. С. 42–43; 14. С. 74; 15. Р. 92–100; 16. С. 44; 17.

С. 3; 18. С. 21–25]. Таким образом, рациональность в ее изначальной идее обозначает любое отношение между субъектом и объектом, оформленное посредством определенной меры (системы измерения). Учитывая, что способность к измерению – это свойство человеческого сознания, оперирующего символическими системами (языками), рациональность предстает как *когнитивная репрезентация объекта*.

В последующем развитии осмысления рациональности ее интерпретации различались главным образом по основанию меры, оформляющей соизмеримость вещей и явлений действительности. В качестве такой меры в различных подходах постулировались когнитивная (вербальная) оформленность (осознанность, возможность выразить реальность посредством слов, противоположность эмоциональному, аффективному отражению) [19. С. 26; 20. С. 16; 21. С. 13; 22. С. 83], законосообразность (соответствие законам логики (правильного мышления) [23. С. 5; 24. С. 135], законам природы и общества [25. С. 49–50; 26. С. 49; 27. С. 188]), разумность (соответствие нормам, стандартам, структурам разума, который понимался в различных смыслах – как целесообразность [28. С. 30–31; 29. С. 604–605; 30. С. 77], нормативность, стандартизованность [31. С. 268–299; 32. С. 45; 33. С. 62; 34. С. 5], истинность [35. С. 85; 36. С. 116–123; 37. С. 64–67], эффективность [38. С. 123; 39. С. 12–22; 40. С. 43], способность к целеполаганию [41. С. 42–43; 42. С. 41]), умопостигаемость (осознание всеобщего – законов существования и развития мира, не данных в чувственном познании, «движение мышления по логике бытия») [43. С. 69; 44. С. 21; 45. С. 9]. Данный ряд значений может быть продолжен. Содержания реальности, выразимые посредством этих измерений, считаются рациональными; невыразимые, выходящие за их пределы, – иррациональными.

В результате такого многообразия подходов изначальная идея рациональности оказалась расщепленной на множество частных экспликативных схем. Так были оформлены различные модусы и типы рациональности. Это позволило подробно изучить ее многообразные проявления, описать закономерности их существования и развития. Вместе с тем в процессе умножения концепций и подходов к пониманию рациональности произошло размывание ее сущности. По причине углубления специализации частных концепций исследователи во многом утратили видение общих существенных признаков рациональности, постулированных в ее изначальной идее. По мере осознания этого обстоятельства в дискуссиях о рациональности был поставлен вопрос о поиске ее универсального референта, который может стать основанием для формулирования общей теории. В условиях плюрализма версий рациональности необходимость общей теории стала очевидной для многих исследователей. Тем не менее теоретические поиски не привели к выделению универсально-объективного референта рациональности и формализации метатеории. Произошло это, главным образом, вследствие того, что в качестве общего существенного признака рациональности как таковой предлагались частные ее характеристики, лежащие в основании частных концепций

(целесообразность, эффективность, калькулируемость, нормативность и т.д.). Как отмечает В.Г. Федотова, «вместо того, чтобы увидеть в каждом представлении о рациональном, соответствующем определенному типу деятельности, выражение всеобщего, его принимают за это всеобщее и навязывают другим областям» [46. С. 237]. При этом сведение универсального референта рациональности к тем или иным из частных критериев зачастую осуществлялось произвольно и не имело достаточных оснований. Так обстоит дело с разумностью как признаком рациональности: многие авторы указывают на неправомерность их отождествления, а сам разум признается неопределенной категорией и понимается в десятках различных смыслов, в некоторых случаях противоречащих друг другу. В результате таких теоретических затруднений в работах исследователей появляется вывод о неопределенности и дискуссионности понятия рациональности, его оценочном характере [47. С. 187–208; 48]. Это стало признаком теоретического кризиса, где оказался процесс научного осмысления рациональности, преодолеть который посредством имеющихся познавательных инструментов затруднительно.

На наш взгляд, для преодоления кризисной ситуации, которая наблюдается в социологическом изучении рациональности, целесообразно обратиться к ее начальной философской трактовке и извлечь из нее существенные признаки, достаточные для различения рациональных и иррациональных явлений. Мы постараемся показать далее, что эти признаки имплицитно присущи всем частным версиям рациональности, что может выступить основанием для формирования общей системы ее описания.

Согласно первоначальной идее рациональность есть когнитивная репрезентация объектов реальности, процесс выражения соизмеримости фрагментов реальности посредством определенных мер. Эта идея утверждает «всеобщую способность человеческой мысли осваивать внутренние, качественно многообразные структурные связи и отношения бытия» [49. С. 9]. С этой точки зрения рационализация есть процесс придания определенной размерности, структурирования изначальной целостной неструктурированной реальности. Данный процесс осуществляется путем осознания (осмысления) познающим субъектом соотношения различных фрагментов реальности с помощью тех или иных способов измерения.

Существенные признаки рациональности, которые содержатся в ее начальной идее и выражают ее качественную определенность, могут быть сведены к следующему минимальному набору:

1. Дискретность. Для рациональности характерно прерывистое, разделенное на фрагменты отражение действительности. Оно обусловлено применением измеряющего инструмента, предполагающего выделение элементарной меры, лежащей в его основе (числа, слова, логической связи и т.д.). С помощью такой меры в объекте измерения выделяются части, соответствующие мере, – смыслы, отрезки, величины, различные иные качественные определенности. В результате мир предстает перед измеряющим субъектом как структура – совокупность отдельных фраг-

ментов, вступающих в те или иные связи и отношения. Иррациональность, напротив, указывает на существование цельной, непрерывной, неструктурированной реальности, которая не редуцируется познающим сознанием к составляющим ее фрагментам.

2. Нормативность. Рациональность предполагает существование норм и правил применения тех или иных средств измерения реальности. Данные правила являются необходимым условием для повторного использования измеряющего инструмента (меры): повторное использование предполагает воспроизведение способов измерения, использованных при предыдущем замере. Это позволяет рациональности существовать в виде правил, которые образуют познавательные модели, разделяемые многими субъектами познания. Пример таких правил содержится уже в упомянутых «Началах Евклида»: «... для заданной прямой существует бесконечное количество прямых как соизмеримых, так и несоизмеримых, [причём] некоторые [соизмеримы или несоизмеримы] только линейно, другие же и в степени. Назовём теперь заданную прямую рациональной, а соизмеримые с ней, как и линейно и в степени, так и только в степени, будем называть рациональными, несоизмеримые же с ней – иррациональными» [50. С. 101]. Здесь задано правило соизмерения прямых, при выполнении которого возникает явление рациональности. Иррациональность не предполагает подобных измерений и, следовательно, не подвержена действию данного правила, ненормативна.

3. Символическая оформленность. Выделение любой меры, предназначенной для выявления соизмеримости фрагментов реальности, осуществляется через обозначение ее конкретными символами – алгебраическими, геометрическими, логическими, вербальными и пр. Рациональность выражена посредством символической системы – естественного или искусственного языка. Ясно, что основной и первичной символической системой, выражающей рациональность, выступает вербальная система общения как необходимое условие формализации искусственных языков. Любой искусственный язык есть социальная конвенция, появление которой возможно при условии уже существующей системы естественной коммуникации, оперирующей конкретной системой дефиниций. Тем самым, рациональность выступает в первую очередь как вербальная оформленность содержаний реальности. Иррациональность символически не выражена и выходит за пределы вербального оформления мира.

4. Рефлексивность. Рациональность носит рефлексивный характер, так как представляет собой эффект удвоения мира, выделение измеряемого и измеряющего начал. Как было отмечено, данное удвоение, предполагающее наличие метапозиции по отношению к объекту измерения (отражения), выступает необходимым условием рефлексии. Такую метапозицию по отношению к реальности занимает сознание, осмысливающее реальность, оперирующее символами, подчиняющееся нормам, воспринимающее действительность дискретно. При этом не требует специальных доказательств, что сознание остается частью действительности и не выходит за ее пределы. Таким обра-

зом, рефлексивность как свойство рациональности есть *процесс когнитивной самореференции реальности* – рекурсивное отражение реальности когнитивными средствами (естественными и искусственными символическими системами). Подчеркнем, речь идет о явлении рекурсии, предполагающем, что такое отражение осуществляется в пределах реальности, элементами которой выступают и отражаемый объект, и средства его отражения.

Таким образом, рациональность есть там, где существует рефлексивная дискретная символическая нормативно обусловленная репрезентация реальности. Выделенные признаки во многом тавтологичны и не существуют друг без друга. Так, дискретное отражение объектов невозможно вне символических систем измерения, так как отсутствие единиц измерения делает невозможным фрагментацию отражаемого объекта. В свою очередь, использование любой системы измерения – это всегда конвенция, договоренность субъекта о нормах и правилах применения единиц измерения, поскольку вне норм и правил их применения измерительные шкалы не существуют. Наконец, когнитивная репрезентация объекта невозможна без рефлексивной позиции, обладающей собственной точкой наблюдения, так как в отсутствие такой позиции объект не способен отразить собственные свойства и характеристики. На наш взгляд, эти суждения не требуют дополнительной аргументации, поскольку достаточно объяснены в философской и социологической литературе.

Таковы основные выводы, которые следуют из начальной философской идеи рациональности. Теперь обратимся к социологическому прочтению выделенных признаков. Здесь мы непосредственно приступаем к обсуждению рациональности как предмета социологии. Социологический анализ существенных признаков рациональности позволяет сформулировать три ее базовых характеристики как предмета социологического изучения.

1. Если философия изучает рациональность с точки зрения поиска ее качественной определенности, универсального референта, общих закономерностей, то социология в силу ее специфики рассматривает рациональность в рамках своего объекта – социальной реальности, сквозь призму соответствующей понятийной системы, основными категориями которой выступают категория социального и ее производные – социальный актор, социальная норма, социальная группа, социальная система и т.д. При этом социология не отказывается от поиска универсального референта рациональности, но рассматривает его в конкретных условиях социальных контактов социальных акторов – личностей, социальных общностей, институтов, общества в целом. Из этого следует первая базовая характеристика рациональности как предмета социологии: *рациональность рассматривается как когнитивная репрезентация социальной реальности*¹. Далее мы постараемся показать, что иное прочтение рациональности невозможно, так как рациональность, являясь коммуникативным продуктом, не существует за пределами социальной реальности. Любая когнитивная репрезентация внесоциальных явлений проис-

ходит в том случае, если эти явления артикулированы в ходе групповой коммуникации или получили оформление посредством выработанных в социуме символических систем описания (языков). Если в философии рациональность может обсуждаться как абстрактно-всеобщее содержание, то с позиций социологического подхода она предстает как эмпирически конкретное социальное явление, возникающее в процессе социально-групповых взаимодействий. Изменяющийся субъект также предстает перед социологом не в виде условно-абстрактного сознания, реализующего функцию измерения, а как социальный актор, когнитивные свойства которого обусловлены социальной системой – обществом, группой, организацией, частью которых он является.

2. Приведенные выше признаки рациональности – дискретность, нормативность, символическая оформленность, рефлексивность – рассматриваются социологией с точки зрения их социальной сущности. Необходимым условием реализации данных признаков выступают социально-групповые взаимодействия и, шире, способность человека к коммуникации [51]. Здесь сформулируем вторую базовую характеристику рациональности как предмета социологии: *рациональность есть коммуникативный продукт, который является эффектом социально-групповых взаимодействий*. Рациональность (т.е. дискретность, нормативность, символическая оформленность социальной реальности) есть результат социальных конвенций и актуализируется в ходе групповой коммуникации. Ясно что для появления любой системы символов и правил ее применения необходим групповой консенсус, готовность социальных акторов использовать эти символы для структурирования социальной реальности. Примерами могут служить любые шкалы и системы фрагментации, задающие размерность социальной жизни – шкалы времени, профессиональной квалификации, цен на товары и услуги, режим дня в детских учреждениях и т.д. Таким образом, коммуникация – ключевой фактор актуализации способности субъекта к рациональному отражению действительности, осмыслению мира как структуры. Данная способность развивается в процессе социализирующего воздействия культуры общества, в которое включен субъект, в ходе которого он воспринимает и усваивает социальные нормы и символические системы (как естественные, так и искусственные). В связи с этим социализация может быть представлена как процесс овладения рациональностью [52. Р. 9–11]. Иррациональность с этой точки зрения представляет собой эмоционально-аффективное отражение социальной жизни, выходящее за пределы символических способов оформления реальности.

Следующий признак рациональности – рефлексивность – также формируется в процессе групповой коммуникации. Взаимодействие в группах – ключевое условие формирования когнитивной позиции, отражающей социальные объекты, явления и процессы посредством оценок, коллективных мнений и норм. В силу ограниченного объема статьи не будем здесь останавливаться на описании механизма данного процесса, он достаточно прояснен в социологии и смеж-

ных науках (Дж. Мид, Ч. Кули [53. С. 116–122, 172–179], А. Шохов [54], Н. Луман [55. С. 210–211], Д. Беккер [56. С. 189–193], Л.С. Выготский [57. С. 611–613] и др.).

Приведенные характеристики показывают, что рациональность для социологии выступает как свойство социальной реальности, которое не может существовать за ее пределами. «Вне общества нет позиции, способной на коммуникацию» [58. С. 206], следовательно, рациональность также не существует за пределами общества. В этом смысле рациональность – «тотемный символ особого положения человека в существующем мире» [59. С. 4], свойство, отличающее мир культуры от мира природы², человеческое – общество от иных ассоциаций.

3. Результаты рационализации социальной жизни (т.е. дискретного нормативного символического ее отражения) закреплены в опыте коллективного социального субъекта – группы, организации, общества, сообщества, и составляют содержание его культуры. Это любые символические оформленные продукты опосредованного отражения действительности, как материальные, так и нематериальные. К нематериальным относятся выраженные в языке социальные конвенции: нормы и правила, групповые оценки и ценности, коллективные мнения, смыслы, традиции, структурирующие социальную жизнь, а также знания, различного рода информация и другие продукты когнитивной деятельности индивидов и групп. Индивид сталкивается с ними уже в семье, где действуют семейные запреты и допущения. Материальными продуктами рационализации являются все объекты, составляющие материальную культуру общества. Такие объекты представляют собой продукты деятельности индивидов и групп, неотделимые от дискретного нормативного символического способа их оформления. Появление и существование данных объектов – от ученической линейки до современных космических аппаратов – есть материальное выражение когнитивной репрезентации социальной практики, т.е. предполагают осуществление рационализации.

Продукты рационализации социальной жизни имеют внешнее по отношению к индивидам существование и оказывают на них принудительное воздействие, т.е. выступают как совокупность социальных фактов в дюркгеймовском смысле. В ходе социализации в конкретном обществе социальный субъект сталкивается с необходимостью принятия и интернализации этих продуктов как ключевым условием вхождения в данное общество. Тем самым, рациональность представляет собой совокупность социокультурных предубеждений, которые принудительно влияют на индивида и выступают фактором детерминации его социального поведения. Это третья базовая характеристика рациональности как предмета социологии: *рациональность (как способ когнитивной репрезентации социальной жизни и его результаты) есть совокупность социальных фактов, составляющих культуру общества*. Этот тезис утверждает статус рациональности как социального факта со всеми присущими этому статусу свойствами [62].

Таким образом, базовыми характеристиками рациональности как предмета социологического изучения необходимо считать следующие:

1. Рациональность есть когнитивная репрезентация социальной реальности: социальных субъектов, событий, явлений и процессов. Если существуют доказательства осуществления когнитивных процессов, воплощающих существенные признаки рациональности, за пределами человеческого общества, то можно допустить расширение практики рационализации на иные популяции. На данный момент, на наш взгляд, убедительных доказательств этого нет. Усматривая рациональное поведение у различных животных, исследователи, по нашему мнению, скорее, переносят собственные структуры сознания на изучаемые объекты, чем выявляют присущие этим объектам признаки рациональности. Так, изучая жизнь муравьев, авторы называют социальный порядок муравейника рациональным, имея в виду его целесообразность и эффективность [63, 64]. Означает ли это, что социальная организация муравейника действительно рациональна? Полагаем что нет, так как муравьи не обладают способностью к рефлексивному символическому нормативному дискретному оформлению своей социальной жизни, в связи с чем муравьиный «социум» когнитивно не реферирован. В нем отсутствует эффект удвоения позиций (выделение измеряемого и измеряющего начал), о котором мы говорили выше и который является необходимым условием рациональности. Данный эффект – выделение трансцендентных точек отсчета – есть отличительная черта человеческого общества. Поэтому исследователи, называя социальную организацию муравейника рациональной, характеризуют тем самым не муравейник как таковой, а собственно человеческое общество. Именно его референциями выступают когнитивные целесообразности и эффективности (т.е. мыслительные конструкции, устанавливающие идеальное соотношение цели и средств деятельности (целесообразность), а также цели, средств и средовых условий целедостижения (эффективность)). Такие когнитивные формируют инструменты познания и восприятия, сквозь призму которых исследователи изучают объекты действительности, в частности социальную жизнь муравьев. В этой связи утверждение рациональности социальной организации муравейника – это продукт специфически человеческого способа когнитивного отражения данного объекта, экстраполяции свойств человеческого общества на муравейник.

2. Рациональность – это коммуникативный продукт, который является эффектом социально-групповых взаимодействий. Способность к рациональному отражению действительности присуща Homo Sapiens как виду. Она актуализируется в ходе групповых коммуникаций. Как показывают факты естественной мауглизации, вне коммуникации в человеческих ассоциациях способность к дискретному символическому нормативному отражению действительности у индивидов не развивается и остается в потенциальном состоянии. Также феральные люди, лишенные человеческой коммуникации, не обладают способностью к рефлексивной деятельности и отра-

жают действительность непосредственно, с помощью органов чувств.

3. Рациональность есть совокупность социальных фактов, составляющих культуру общества. В этом смысле рациональность, с одной стороны, представляет собой совокупность способов дискретного нормативного символического оформления объектов реальности (когнитивные практики обыденного сознания, различных профессиональных фреймов, науки, философии), с другой – совокупность материальных и нематериальных продуктов когнитивного отражения действительности. Эти содержания близки к тому, что К. Поппер назвал «вторым» и «третьим» мирами соответственно («первый мир» составляют физические объекты – реальность, существующая объективно) [65]. Они составляют собственный рекурсивный слой социальной реальности, отражающий когнитивными средствами ее существование и развитие.

Подчеркнем, что, обсуждая вопросы социологического анализа рациональности, мы не отрицаем роль и значение иррациональных факторов в социальной жизни. Иррациональные содержания, наряду с рациональными, составляют структуру любого социального объекта, на что мы обращали внимание в предыдущих работах [66]. Акцент на рациональной стороне социального в данной статье обусловлен ее целью – обсуждением рациональности как предмета социологии.

На наш взгляд, выделенные характеристики являются основными чертами социологического прочтения рациональности и выступают критериями социологического дискурса об этом предмете. Логика дальнейшего анализа рациональности как предмета социологии требует обращения к современному состоянию данного дискурса, рассмотрению его основного содержания.

Современное состояние социологического дискурса по проблеме рациональности. Как было отмечено, современный социологический дискурс о рациональности расщеплен на целый ряд частных экспликативных схем, которые используют различные подходы к ее пониманию и во многих случаях вступают в противоречия друг с другом. Анализ современного состояния теоретического поля в социологическом изучении рациональности приводит к выводу о преобладании в нем постмодернистской ситуации со всеми ее характерными чертами. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Характеристиками постмодернистского теоретизирования как такового, по мнению современных авторов, выступают отсутствие (отрицание) общей теории объекта изучения, контекстуальный характер и фрагментация знания, внутренняя детерминация знания (детерминированность ценностями, содержаниями жизненных миров социальных субъектов), наличие разрывов в познании, релятивность и открытость для противоречий [66. С. 640–641; 67. С. 106, 541–542; 68. С. 122–123; 69 и др.]. Современная ситуация научного изучения рациональности обладает основными чертами такого теоретизирования, а социологическое осмысление рациональности в настоящее время несет характеристики постмодернистской методологии. Такими характеристиками выступают следующие.

1. *Отрицание универсального признака рациональности* – универсально-объективного референта, устанавливающего ее качественную определенность. Рациональность нередко характеризуется как неопределенное, псевдопредметное понятие или оценочная категория. Это обуславливает отсутствие общей социологической теории рациональности, задающей методологические стандарты и нормы ее социологической экспликации и интерпретации. Нормы если и существуют, то носят локальный характер и не выходят за пределы отдельных подходов. Отсутствие метанарратива, задающего общий референт рациональности, санкционирует неограниченное появление новых концепций, произвольно маркирующих рациональность различными частными признаками. В этом контексте рациональность утрачивает свою тождественность и все более напоминает исчезающую улыбку Чеширского Кота.

2. *Контекстуальный характер концепций рациональности*. Исследователи выделяют различные рациональности в разных социальных контекстах. Такие версии рациональности выражают особенности контекстов и не образуют единой описательной системы – «обыденно-публичная, научная, культурная, цивилизационная, политическая, рыночная – между ними острые противоречия» [70. С. 53]. Спектр контекстуальных версий рациональности в настоящее время достаточно широк: рациональность обыденной жизни (Б. Вальденфельс), инженерная и технологическая рациональность (В.Д. Комаров, Е.Е. Елькина, В.П. Котенко), научная рациональность (С. Matheson, А.Ф. Зотов, И.С. Панкратов, В. Пироженов и др.), экологическая (environmental) рациональность (Т. Prinsen, F. Nobre, D. Walker, R. Harris, В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев), экономическая рациональность (Э. Калинин, Е. Чиркова, Н.Н. Покровская, А.Н. Сорочайкин, А.В. Филатова), юридическая рациональность (Т.П. Агафонова, А.Ю. Мамычев, В.В. Попов), педагогическая рациональность (Л.В. Ведмич), проектно-педагогическая рациональность (Ю.С. Тюнников), политическая рациональность (М.М. Федорова, G. Palavicini, M. Beeson, A. Firth) и пр.

3. *Зависимость концептов рациональности от оценочных суждений*. В литературе распространено мнение об оценочном характере категории рациональности, которая выражает не свойства предмета, а ценностное отношение субъекта к нему (Б. Герт, Р. Коллинз, Г. Зиммель, Т. Парсонс, В.И. Моисеев, И.Т. Касавин, З.А. Сокулер). Это во многом отражает ситуацию в социологическом изучении рациональности, когда ее дефиниции обусловлены скорее не объективными критериями и логически установленными существенными признаками, а мировоззренческими ориентациями исследователей (неявными базовыми предпосылками, в терминологии А. Гоулднера). Позитивные оценки тех или иных аспектов реальности при таком подходе связывают с рациональностью, негативные – с иррациональностью по формуле «рациональность – это хорошо, иррациональность – это плохо». Плюрализм и многообразие ценностных систем, с позиции которых осуществляется такая оцен-

ка, приводят к крайней релятивизации концепта рациональности.

4. *Наличие разрывов в поле теоретической интерпретации рациональности*. Выражаясь словами Т. Парсонса, социологические интерпретации рациональности в настоящее время являются разрозненными неинтегрированными фрагментами знаний, не объединенными в ясно очерченные теоретические системы. По мнению ученого, «знание является научным лишь тогда, когда эти фрагменты интегрируются в ясно очерченные теоретические системы» [71. С. 59–60]. В этом состоит теоретическая проблема социологического изучения рациональности – несистемном использовании различных эксплицитных схем, конфликтных, несводимых друг к другу, использующих разные языки описания рациональности.

5. *Открытость для противоречий, которые становятся частью концепта рациональности*. Так, своеобразная интервенция иррациональности прослеживается в ряде современных концепций рациональности. Она выражена в конструировании таких подходов, как концепция гибридной рациональности, «иррациональной рациональности», которая указывает на сопряженность целерациональных практик с иррациональными эффектами – высоким уровнем риска и инструментальным отношением к человеку, который понимается как средство достижения утилитарных целей (С.А. Кравченко); концепция «новой рациональности», которая включает иррациональные элементы, трактуемые как новые формы рациональности (внелогические действия, субъективно-чувственные формы отражения действительности (Г.Г. Зейналов)), концепция множественности форм рациональности и ее перехода в свою противоположность (Н.Н. Зарубина) и т.д. Такие подходы, призванные проявить современные тенденции общественного развития, в то же время делают категорию рациональности более размытой и нетождественной ее изначальной идее как меры, выражающей соизмеримость величин.

Таким образом, обобщение существующих сегодня социологических интерпретаций рациональности указывает на признаки постмодернистского типа теоретизирования. С одной стороны, такая практика проявляет сложность и многоаспектность проблемы рациональности, с другой – размывает научный статус этого концепта и существенно затрудняет его применение в анализе социальной реальности.

Существующие в этих условиях социологические подходы к пониманию рациональности могут быть классифицированы по основанию применяемых способов определения рациональности. Анализ показывает, что существуют три модели дефиниции рациональности, которые отличаются группировкой ее признаков. Первая модель основана на выделении какого-либо одного свойства, которое утверждается как существенный признак рациональности; вторая предполагает объединение нескольких свойств в общий признак, выступающий продуктом их синтеза; третья модель основана на утверждении одновременного существования нескольких не сводимых друг к другу интерпретаций рациональности, в основе которых лежат

разные признаки. Данная классификация позволяет выделить три типа социологических подходов к проблеме рациональности: монистические (монофакторные), комплексные и плюралистические (полифакторные).

Монистические (монофакторные) подходы к пониманию рациональности основаны на утверждении одного существенного признака рациональности. Основными интерпретациями рациональности, выполненными в рамках данного подхода, выступают следующие.

Рациональность как целесообразность (целенаправленность). Это классический подход, восходящий к социологии М. Вебера. В качестве признака рациональности он утверждает идеальную модель связи цели деятельности и средств ее достижения. Рациональность здесь выражает предельную целесообразность, т.е. максимальное соответствие целей и средств их достижения в любой из сфер человеческой деятельности [72. С. 71–77]. Это одна из наиболее распространенных интерпретаций рациональности в современной социологии; ссылки на авторов, в работах которых представлен данный подход, даны во втором разделе нашей статьи.

Рациональность как эффективность. В отличие от предыдущей интерпретации, понятие эффективности выражает связь выбора средств деятельности и контекста ее осуществления, предполагает учет средовых факторов – реальных условий, в которых происходит целедостижение. Данная дефиниция легла в основу многих социологических теорий рационального выбора.

Рациональность как нормативность, стандартизованность, конвенциональность. Здесь существенным признаком рациональности считается соответствие поведения и деятельности социального актора нормам и стандартам целедостижения, основным социальным конвенциям, действующим в конкретном обществе. Совокупность норм и правил, складывающихся в процессе накопления опыта целедостижения, ценностно-ориентированного поведения, формирует стандарты связи цели и средств в различных сферах практики. Они определяются как стандарты рациональности. С данной точки зрения рациональной является деятельность, в которой упомянутые стандарты воплощены, нерациональной – деятельность, в которой они нарушены.

Рациональность как законосообразность. В этой интерпретации в качестве признака рациональности постулируется соответствие наблюдаемых явлений, процессов, действий объективным законам, о существовании которых известно. При этом рациональность обсуждается в гносеологическом и онтологическом аспектах. В гносеологическом аспекте она выражает соответствие рассуждений законам правильного мышления (законам логики). Иррациональным считается знание, содержащее логические ошибки. В онтологическом аспекте рациональность есть соответствие социальной практики законам природы и общества. Здесь оппозиция «рациональное – иррациональное» выражает категории порядка и хаоса, где порядок есть воплощение рациональности, а хаос

представляет собой непредсказуемую стихию иррационального.

Рациональность как осознанность. Эта интерпретация наиболее близка по содержанию к изначальной идее рациональности как когнитивной референции объектов реальности. Здесь рациональность отождествляется с когнициями, выражающими познавательный (мыслительный) процесс. Когниции выражены символически, прежде всего, вербально и противостоят эмоциональному, аффективному переживанию объектов действительности.

Рациональность как истинность. В этой интерпретации рациональными признаются рассуждения, смыслы, действия, знание, которые соответствуют истине, взятой в значении какого-либо образца, эталона. Такие образцы могут быть различными: универсальный закон, стандарты когнитивной деятельности, социальная консолидация, верифицируемость знания, определенная ценностная система и др. Чем ближе тот или иной объект к эталону, тем более он рационален и наоборот.

Рациональность как способность к целеполаганию. Здесь рациональность предстает как характеристика человеческой деятельности, проявленная в способности человека к построению идеального плана действий в его соотнесенности с целью и условиями среды. Этот признак рассматривается в качестве отличительного свойства *Homo Sapiens*, маркирующего человеческий разум. С этой версией рациональности тесно связана другая, в которой признаком рациональности утверждается автономность социального субъекта, его способность самостоятельно принимать решения, быть свободным от нерациональной детерминации.

Комплексные подходы к пониманию рациональности объединяют несколько содержательных аспектов в общий признак рациональности, выступающий продуктом их синтеза. К таким подходам мы отнесли любые концепции, в которых в общий признак соединены как минимум две монофакторные версии рациональности. Так, довольно часто можно встретить интерпретации рациональности, в которых слиты признаки целесообразности и эффективности, а также целесообразности и нормативности. Существуют более сложные подходы, объединяющие несколько интерпретаций рациональности. Приведем примеры таких подходов.

Рациональность как особая установка сознательной деятельности социального субъекта, для которой характерны признаки логичности, целесообразности, упорядоченности и системности [73. С. 11].

Рациональность как характеристика человеческого поведения (а также метод его оценки), включающая шесть элементов: находчивость (активность в отношении поиска и достижения желаемых состояний), ограниченность (осуществление выбора в контексте ограниченных возможностей целедостижения), ожидание (экспектации относительно происходящих событий), оценка (рассмотрение различных состояний действительности с ценностной точки зрения), мотивированность (стремление к достижению состояний, имеющих более высокую оценку по срав-

нению с теми, в которых человек находится; целеполагание), осмысленность (ориентация в возникающих ситуациях на основе имеющегося знания, поиск нового знания в новых, непредвиденных ситуациях) [74. Р. 635–636].

Рациональность как особенность формальных организаций, для которой характерны признаки осознанности, целесообразности, логической упорядоченности [75. С. 96].

Плюралистические (полифакторные) подходы к пониманию рациональности содержат указание на несколько не сводимых друг к другу аспектов рациональности. Один из таких подходов представлен в феноменологической социологии А. Шютца, который различает рациональность как методологический принцип научного наблюдения за социальной жизнью и рационализацию как процесс прогрессивной типизации, структурирующий социальный мир индивидов [76. С. 171, 179–181, 187–188]. На уровне научного наблюдения принцип рациональности выражен в трех ее интерпретациях: как законосообразности в гносеологическом аспекте (соответствие действий актора принципам формальной логики), как знания, воспринимаемого актором ясно и различимо и выступающего условием рационального выбора, и как эффективности, характеризующей выбор актора, отбирающего из доступных ему средств наиболее соответствующие цели. На уровне повседневной жизни рационализация есть трансформация иррационального (целостного нередуцированного мира) в структуру, которую индивид может понять, контролировать и предсказать. Такая рационализация, как отмечает А. Шютц, близка по своему значению к веберовскому «расколдовыванию мира».

Другой пример – подход Б.С. Сивирioва, который различает два аспекта рациональности: деятельностную рациональность и внутреннюю рациональность социальных систем [77. С. 3]. Первая связана с познавательно-преобразующей деятельностью индивидов и групп, вторая – с функционированием социальных систем, их структурной логикой, способностью к самореференции и саморегуляции. Утверждается, что рациональность – это, с одной стороны, функция активности отдельного человека, с другой – функция общественных образований по отношению к социальной реальности.

Нетрудно заметить, что во многих приведенных подходах имплицитно представлены основные признаки рациональности, выделенные нами во втором разделе статьи. Так, признаки дискретности и символической оформленности выражены в прямом или косвенном утверждении осознанности как условия рациональности в различных ее версиях. Это характерный момент, так как вне осознанности невозможно дискретное символическое отражение действительности. Также прямо или косвенно в различных подходах прослеживается признак нормативности, который связывают с нормами различной природы – стандартами социального поведения, логическими законами, требованиями истинности и пр. Наконец, в приведенных подходах выражен признак рефлексивности, обозначающий удвоение позиций, наличие особой точки

наблюдения за объектами действительности. Он прослеживается в концепциях рациональности как целеполагания, автономности субъекта, целесообразности и других версиях и проявляется в утверждении дистанцированной от объектов позиции наблюдения, которую занимает социальный субъект.

Вместе с тем исследователи не выходят на обобщение данных признаков рациональности и остаются в рамках перечисленных частных подходов к ее пониманию. При этом данные подходы нередко конфликтуют, что мешает их рассмотрению как взаимодополнительных. Так, логическая связь цели и средств (целесообразность) не обуславливает с необходимостью высокую степень эффективности деятельности, так как является идеальной и не учитывает реальных средовых условий целедостижения. Реальная эффективность связи цели, средств и условий деятельности не всегда является осознанной и, значит, может существовать как неоформленное и случайное (иррациональное) содержание. Следование установленным стандартам деятельности как воплощению рациональности не представляет собой с необходимостью эффективный способ достижения цели, который может потребовать применения нестандартных творческих и инновационных решений. Выход за пределы стандартов рациональности (иррациональное действие) может быть более эффективным в конкретных условиях (нормативность социальной организации может вступать в конфликт с требованием эффективности, особенно если нормативные практики целедостижения не обеспечены в данном обществе доступными институциональными условиями их реализации). Законосообразность того или иного социального явления, действия не есть с необходимостью предмет осознания и может не иметь артикулированности в рефлексивном поле действующего субъекта. Упорядоченность и непротиворечивость как характеристики социальной организации не гарантируют реализацию принципа законосообразности ее деятельности: такая упорядоченность способна вступать в противоречие с объективно изменившимися средовыми условиями, требующими изменения установленного порядка. Тем самым, рациональное в рамках одного подхода может трактоваться как иррациональное в рамках другого и наоборот.

В этих обстоятельствах среди исследователей закономерно появляется пессимизм относительно возможности решения проблемы рациональности. Как было отмечено выше, преодолеть данные теоретические затруднения посредством распространенных в социологии подходов крайне проблематично. Для решения этой задачи необходима новая теоретическая позиция – рефлексивная точка наблюдения, позволяющая подвергнуть анализу существующую практику изучения рациональности в социологии. На наш взгляд, такую позицию способен предложить постнеклассический социологический подход. Эпистемологическая рефлексия с позиции такого подхода открывает дополнительные возможности социологического изучения рациональности и позволяет преодолеть указанные теоретические затруднения путем утверждения существенных признаков рациональности, общих для всех ее аспектов и проявлений.

Постнеклассический подход к проблеме рациональности. Большинство упомянутых выше концепций рациональности, как следует из анализа их содержания, – продукт классического способа теоретизирования в социологии. Об этом свидетельствует позиция «идеального наблюдателя», имплицитно присутствующая в их выводах. Она проявлена в том, что познающий субъект выводится за пределы анализа и рациональность предстает как самостоятельная сущность, оторванная от собственных социальных оснований. Это лишает данные подходы возможности выявить существенные признаки рациональности *per se*, так как, согласно первоначальной идее, она есть отношение между *двумя началами* – измеряемым и измеряющим, мера, выражающая соизмеримость величин. Преодолеть это затруднение возможно с помощью принципов постнеклассического подхода в социологии [78]. Среди его методологических принципов ключевое значение для решения проблемы рациональности имеют принцип дополнительности и опора на диатропическую познавательную модель. Первый позволяет включить в область анализа позиции наблюдателя и наблюдаемого и рассмотреть их как элементы одной реальности, вторая предоставляет теоретический инструмент для выявления общих элементов различных версий и подходов к пониманию рациональности. Принципы постнеклассического подхода в социологии достаточно описаны в научной и учебной литературе [79], поэтому здесь не будем останавливаться на их подробной характеристике.

На основании данных принципов нами была сформулирована постнеклассическая (универсальная) теория рациональности, в которой предложены решения основных теоретических затруднений, сложившихся в социологическом дискурсе о рациональности. Ее обоснование представлено в наших предыдущих публикациях [1], поэтому здесь тезисно приведем основные выводы, имеющие значение с точки зрения цели данной статьи.

Диатропический анализ всех концепций рациональности позволяет выделить признак *когнитивной оформленности содержаний реальности* как инвариантное качество, в том или ином виде присутствующее во всех концепциях рациональности. Чтобы это доказать, достаточно рассмотреть все концепции рациональности с позиции принципа дополнительности. С этой точки зрения *концепции рациональности* – это *социальные объекты*, природа которых обусловлена двумя основаниями. Одно из них – познающий субъект (исследователь), формулирующий теоретические постулаты и являющийся продуктом жизненных и социально-групповых структур, в которые он включен. Другое основание – объект познания, т.е. явления и связи реальности, которые исследователь рассматривает и определяет как рациональность. Таким образом, концепция рациональности предстает не как совокупность теоретических постулатов, раскрывающих содержание понятия «рациональность», а как *кейс (частное проявление, случай) рациональности* – факт осознания реальности сквозь призму онтологических и гносеологических характеристик познающего субъекта. Таким кейсам присущи *все признаки* рациональности, выделенные во второй части статьи: дискрет-

ность, символическая оформленность, нормативность, рефлексивность.

Нетрудно сделать следующий шаг и экстраполировать вывод, полученный при сопоставлении концепций рациональности на любые факты когнитивного оформления объектов действительности, независимо от их содержания. В результате рациональность предстает как особый слой социальной реальности, отражающий когнитивными средствами ее существование и развитие. Этот слой отражает реальность дискретно (выделяя в ней части и элементы), символически (используя различные языки ее описания), нормативно (вырабатывая нормы и стандарты когнитивных практик). Также данный слой представляет собой рефлексивную позицию по отношению к реальности, одновременно выступая частью этой реальности, т.е. является рекурсивным. Иррациональность с этой точки зрения есть совокупность некогнитивных содержаний социальной реальности, выходящих за пределы символического способа оформления.

На макроуровне (уровне общества и его макроструктур) рациональность предстает как когнитивная самореференция социума и отдельных его компонентов. Подчеркнем, что речь идет о рекурсии – эффекте описания системы, ее объектов и процессов, которое происходит внутри самой системы. Этот эффект близок к содержанию понятия «аутопоэзис», которое использовал Н. Луман для анализа социальных систем. На микроуровне (уровне индивида и малой группы) рациональность есть любой рефлексивный акт (его процесс и результат) индивидуального или группового субъекта социального действия, осуществляемый с помощью символических (прежде всего вербальных) средств коммуникации.

Основные выводы.

1. Современный социологический дискурс о рациональности представляет собой фрагментированное теоретическое поле, в котором представлены различные концепции рациональности, использующие разные подходы к ее определению. В силу того, что многие подходы произвольно и зачастую без достаточных оснований утверждают разные признаки рациональности, они не представляют собой единой системы ее описания и во многих случаях вступают друг с другом в противоречия. В результате в социологическом изучении рациональности наблюдаются признаки постмодернистского типа теоретизирования, что выражается в нерешенности проблемы универсального признака рациональности (отсутствии ее общей теории), контекстуальном характере концепций рациональности, их зависимости от оценочных суждений, наличии разрывов в поле теоретической интерпретации рациональности и открытости для противоречий. Методологической проблемой выступает отсутствие критериев социологического дискурса о рациональности, задающих основные рамки социологического изучения данного предмета.

Для решения этих проблем, а также формализации социологического дискурса о рациональности мы посчитали целесообразным рассмотреть начальный концепта рациональности, который сформировался в философии пифагорейцев.

2. Обращение к содержанию начальной философской идеи рациональности как меры, оформляющей

соизмеримость величин, позволяет выделить четыре существенных признака рациональности, описывающих ее качественную определенность: дискретность (прерывистое, разделенное на фрагменты отражение действительности), символическую оформленность (использование различных языков описания), нормативность (нормы и правила применения средств измерения реальности), рефлексивность (эффект удвоения позиций, выделение измеряемого и измеряющего начал).

В результате социологического прочтения этих признаков (рассмотрения с точки зрения их социальной сущности), выделены три базовые характеристики рациональности как предмета социологического изучения:

1. Рациональность есть когнитивная репрезентация социальной реальности: социальных субъектов, событий, явлений и процессов.

2. Рациональность есть коммуникативный продукт, который является эффектом социально-групповых взаимодействий.

3. Рациональность есть совокупность социальных фактов, составляющих культуру общества.

С нашей точки зрения, эти характеристики являются рамочными для социологического анализа рациональности и должны рассматриваться как критерии социологического дискурса об этом предмете. Выход за пределы данных рамок при анализе рациональности может свидетельствовать о переходе процесса исследования в другие дискурсы.

3. В социологическом дискурсе выделены три типа подходов, различающихся способами проблематизации рациональности: монистические (моnofакторные), утверждающие один признак рациональности, комплексные, объединяющие несколько

свойств рациональности в общий ее признак, и плюралистические (полифакторные), утверждающие несколько не сводимых друг к другу интерпретаций рациональности. В этих подходах имплицитно представлены четыре существенных признака рациональности, но это не приводит к формированию общей ее теории, исследователи рассматривают рациональность с точки зрения частных концепций, что обуславливает сохранение признаков постмодернистского теоретизирования в данном теоретическом поле.

4. Преодолению теоретического кризиса в социологическом изучении рациональности может способствовать постнеклассический социологический подход, опирающийся на принцип дополнительности и использующий современные познавательные модели. Принцип дополнительности позволяет включить в поле анализа наряду с объектом, субъект познавательной деятельности, что является необходимым условием для социологического изучения рациональности. Диатропическая познавательная модель дает возможность выделить общие черты всех подходов к пониманию рациональности и продвинуться в поиске универсального ее референта. Универсальная социологическая теория рациональности, сформулированная в рамках этого подхода, предлагает общую дефиницию рациональности, выражающую ее сущность как предмета социологического изучения. Рациональность определена как когнитивная самореференция социума и его элементов.

Приведенные результаты подлежат обсуждению и являются приглашением к дискуссии всех заинтересованных исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под социальной реальностью здесь понимается реальность человеческого общества. Мы не обсуждаем в рамках данной статьи биологическую социальность нечеловеческих популяций, полагая, что она не содержит выделенных в статье признаков рациональности.

² Не случайно исследователи рассматривают рациональность как ценность культуры и цивилизации [60, 61].

ЛИТЕРАТУРА

1. Труфанов Д.О. Рациональность как фундаментальная характеристика социальных систем. Постнеклассический (универсальный) подход. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. 124 с.
2. Рациональность как предмет философского исследования. М., 1995. 225 с.
3. Исторические типы рациональности / отв. ред. В.А. Лекторский. М. : ИФ РАН, 1995. Т. 1. 350 с.
4. Исторические типы рациональности / отв. ред. П.П. Гайденок. М. : ИФ РАН, 1996. Т. 2. 348 с.
5. Рациональность на перепутье: в 2 кн. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Кн. 1. 368 с.
6. Рациональность на перепутье: в 2 кн. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Кн. 2. 464 с.
7. Новикова О.В., Сайганова В.С. Феномен рациональности в современной культуре: антропологическое и когнитивное измерения // Философия и социальные науки. 2014. № 2. С. 56–60.
8. Леонтьева Е.Ю. Рациональность и ее типы: генезис и эволюция : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. психол.-социального ин-та. Воронеж : МОДЕК, 2006. 256 с.
9. Попов В.В., Щеглов Б.С. Теория рациональности (неклассический и постнеклассический подходы) : учеб. пособие. Ростов-н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 2006. 268 с.
10. Леонтьева Е.Ю. Рациональность и ее типы: генезис и эволюция : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. психол.-социального ин-та; Воронеж : МОДЕК, 2006.
11. Начала Евклида. Книги VII–X / пер. с гр. и ком. Д.Д. Мордухай-Болтовского при редакционном участии И.Н. Веселовского. М., Л. : Гос. изд-во технико-теоретич. лит., 1949.
12. Зарубина Н.Н. Трансформации рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 38–48.
13. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
14. Демина Н.А., Павлов А.П. Рациональность как основа репрезентации социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 71–75.
15. Korsgaard Ch.M. The Sources of Normativity. New York : Cambridge University Press, 1996.
16. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры. 2-е изд. М. : Академический Проект, 2005. 528 с.

17. Сивирин Б.С. Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 3–12.
18. Мартишина Н.И. Рациональность и научность: к определению соотношения понятий // Философия науки / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т философии и права. 2000. № 2. С. 21–25.
19. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с.
20. Немировский В.Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 13–19.
21. Заславская Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 3–16.
22. Колбановский В.В. Иррациональность и консерватизм // Вопросы социологии. 1996. № 6. С. 82–87.
23. Мудрагей Н.С. Очерки истории западно-европейского иррационализма. М. : Наука, 2002. 112 с.
24. Черная А.Н. Взаимосвязь рационального и иррационального в концепции философии истории А. Тойнби // Наука. Релігія. Суспільство. 2010. № 2. С. 134–141.
25. Комаров В.Д. Технологическая рациональность и особенности технологических наук // Научная рациональность: возможности диалога. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2009. С. 49–50.
26. Феньвеш Т.А. Социально-антропологические аспекты рациональности в контексте философии русского космизма // Общество, культура, творчество в контексте проблемы социальной рациональности. Красноярск, 2010. С. 48–86.
27. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Изд-во МНЭПУ, 1998. 228 с.
28. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
29. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 602–643.
30. Лапин Н.И. Проблема рациональности и перспективы развития российской социологии // Вопросы социологии. 1996. № 6. С. 77–80.
31. Никифоров А.Л. Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М. : Российская политическая энциклопедия. (РОССПЭН), 1999. Кн. 1. С. 295–313.
32. Пироженов В. Наукова раціональність: ціннісна норма і методологічний регулятив // Вісник Національної Академії наук України. 2002. № 8. С. 45–52.
33. Белозеров А.Б. Коммуникативная рациональность в контексте постнеклассической науки // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 62–65.
34. Зейналов Г.Г. Поиски новой рациональности в науке // Учебный эксперимент в образовании. 2012. № 2. С. 5–12.
35. Липский Б.И. Рациональность, истина, коммуникация // Человек – Философия – Гуманизм : тез. докл. и выступления Первого Рос. филос. конгресса (4–7 июня 1997 г.): в 7 т. Т. 3: Онтология, гносеология, логика и аналитическая философия СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1997. С. 85–87.
36. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2002. 880 с.
37. Флишберг Б. Рациональность и власть: еще раз о кей-стади // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 1–22.
38. Хунагов Р.Д. Проблема рациональности организационных структур // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 122–131.
39. Генов Н. Организационная рационализация в Восточной Европе: достижения и пределы // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 1–27.
40. Швери Р. Теория рационального выбора : аналитический обзор // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 43–57.
41. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
42. Маслова С.В. Рациональность постмодерна как фактор формирования мифоразрушительной и мифосозидательной тенденций в современной культуре // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 301. С. 39–42.
43. Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. М. : Наука, 1988. 287 с.
44. Леонтьева Е.Ю. Рациональность и ее типы: генезис и эволюция : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. психол.-социального ин-та; Воронеж : МОДЕК, 2006. 256 с.
45. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб. : Азбука; Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.
46. Федотова В.Г. Социальная рациональность и демократическое общество // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Кн. 1. С. 231–263.
47. Касавин И.Т. О ситуациях проблематизации рациональности // Рациональность как предмет философского исследования. М., 1995. С. 187–208.
48. Trufanov D.O. Rationality as a Sociological Category, Free from Evaluation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. Т. 6, № 8. Р. 1195–1204
49. Найдыш В.М. Рационализм и постмодернизм // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2012. № 2. С. 6–14.
50. Начала Евклида. Книги VII–X / пер. с греч. и ком. Д.Д. Мордухай-Болтовского при редакционном участии И.Н. Веселовского. М.; Л. : Гос. изд-во техн.-теорет. лит., 1949.
51. Здравомыслов А.Г. Принцип рациональности в современной социологической теории (гносеологические и культурологические основания) // Социологические исследования. 1990. № 12. С. 3–15.
52. Trufanov D.O. Socialization from the Point of View of Postnonclassical (Universum) Sociological Theory of Rationality // Socialization – A Multidimensional Perspective R. Morese, S. Palermo, J. Nervo. London, UK, IntechOpen, 2018. Р. 1–19.
53. Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И. Добренькова. М. : Изд-во МГУ, 1994. 496 с.
54. Шохов А. Схема научного исследования в постнеклассической науке. URL: <http://www.socium.com.ua/shema.doc> (дата обращения: 29.07.2018).
55. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС: пер. с англ., нем., фр. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1991. С. 194–218.
56. Беккер Д. В обществе – об обществе // СОЦИО-ЛОГОС: пер. с англ., нем., фр. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1991. С. 189–193.
57. Выготский Л.С. Сознание как проблема психологии поведения // Мышление и речь : сб. М. : АСТ: Астрель, 2011. 637 с.
58. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС: пер. с англ., нем., фр. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1991. С. 194–218.
59. Шевченко А.А. Устойчивое развитие и эволюция идеи рациональности. Новосибирск : Изд-е ИФиПр СО РАН, 1994. 19 с.
60. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
61. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
62. Труфанов Д.О. Рациональность как социальный факт // European Social Science Journal. 2012. № 3. С. 309–318.
63. Захаров А.А. Муравей, семья, колония. М. : Наука, 1978. 140 с.
64. Луговской В. «Распределенный мозг» муравьиной семьи // Наука и жизнь. 2007. № 3. С. 66–71.
65. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
66. Труфанов Д.О. Рациональность как социологическая проблема. Постнеклассический (универсальный) подход // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 60–69.
67. Кравченко С.А. Социология: парадигмы сквозь призму социологического воображения: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Экзамен, 2007. 750 с.

68. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб. : Питер, 2002. 688 с.
69. Мнацаканян М.О. Постмодернизм. Происхождение, природа и место в современной социологии. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 335 с.
70. Артамонов Г.Н. Системное управление развитием интеллектуального потенциала учащейся молодежи : дис. ... д-ра социол. наук. М. : Гос. ун-т управления, 2016. 503 с.
71. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2002. 880 с.
72. Давыдов Ю.Н. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности // Вопросы социологии. 1996. Вып. 6. С. 71–77.
73. Карташев Д.Е. Рациональность как социальный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2009.
74. Lindenberg S. Social rationality versus rational egoism // Turner J. (ed.) Handbook of Sociological Theory. New York : Kluwer Academic/Plenum, 2001. P. 635–668.
75. Пригожин А.И. Современная социология организаций. М. : Интерфакс, 1995. 295 с.
76. Шютц А. Проблема рациональности в современном мире // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. С. 163–190.
77. Сивирин Б.С. Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 3–12.
78. Немировский В.Г. Неклассические и постнеклассические подходы в современной российской социологии // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. 2005. № 2. С. 19–31.
79. Немировский В.Г., Невишко Д.Д., Гришаев С.В. Социология: Классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности : учеб. пособие. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003. 557 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 27 августа 2018 г.

RATIONALITY AS A SUBJECT OF SOCIOLOGY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 94–107.

DOI: 10.17223/15617793/435/12

Dmitry O. Trufanov, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: krassocio@yandex.ru

Keywords: subject of sociology; rationality; signs of rationality; sociological theories of rationality; postnonclassical sociological approach; universum theory of rationality.

The article discusses rationality as a subject of sociological research. Topical theoretical problems of rationality are the problems of definition and criteria of rationality, the status of rationality as a social phenomenon, the general sociological theory of rationality, the separation of the concept of rationality from the assessing interpretations. The main methodological problem is the lack of common criteria of sociological understanding of rationality. As a result, the modern sociological discourse on rationality is a fragmented theoretical field with the features of postmodern type of theorizing. In sociological discourse, the author identifies three types of approaches that differ in the ways of rationality problematization. Monistic approaches claim one sign of rationality; comprehensive approaches unite several properties of rationality in a general one; pluralist approaches argue several different interpretations of rationality. As a result of the analysis of the initial philosophical idea of rationality, the author identified four main features of rationality, describing its qualitative certainty: discreteness (intermittent, fragmented reflection of reality), symbolic design (use of different languages of description), normativity (norms and rules of application of means of measuring reality), reflexivity (the effect of doubling positions, the selection of the measured and measuring principles). As a result of a sociological analysis of these features, the author formulated three basic characteristics of rationality as a subject of sociological study: rationality is a cognitive representation of social reality: social subjects, events, phenomena and processes; rationality is a communicative product, which is the effect of social-group interactions; rationality is a set of social facts that make up the culture of society. In the author's opinion, these characteristics are the framework for sociological analysis of rationality and should be considered as criteria of sociological discourse on this subject. The postnonclassical sociological approach based on the principle of complementarity and using modern cognitive models can help to overcome the theoretical crisis in the sociological study of rationality. The principle of complementarity allows to include the subject of cognitive activity, along with the object, in the field of analysis, which is a necessary condition for sociological research of rationality. The diatropic cognitive model makes it possible to identify common features of all approaches to the understanding of rationality and to advance in the search for a universal referent of rationality. The universal sociological theory of rationality, formulated in the framework of this approach, offers a general definition of rationality, expressing its essence as a subject of sociological research: rationality is the cognitive self-direction of society and its elements.

REFERENCES

1. Trufanov, D.O. (2013) *Ratsional'nost' kak fundamental'naya kharakteristika sotsial'nykh sistem. Postneklassicheskiy (universumnyy) podkhod* [Rationality as a fundamental characteristic of social systems. Post-non-classical (universal) approach]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
2. Pruzhinina, B.I. & Shvyreva, V.S. (eds) (1995) *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya* [Rationality as a subject of philosophical research]. Moscow: IPh RAS.
3. Lektorskiy, V.A. (ed.) (1995) *Istoricheskie tipy ratsional'nosti* [Historical types of rationality]. Vol. 1. Moscow: IPh RAS.
4. Gaydenko, P.P. (ed.) (1996) *Istoricheskie tipy ratsional'nosti* [Historical types of rationality]. Vol. 2. Moscow: IPh RAS.
5. Lektorskiy, V.A. (ed.) (1999) *Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn.* [Rationality at a crossroads: in 2 books]. Book 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
6. Gaydenko, P.P. (ed.) (1999) *Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn.* [Rationality at a crossroads: in 2 books]. Book 2. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
7. Novikova, O.V. & Sayganova, V.S. (2014) The Phenomenon of Rationality in Modern Culture: Anthropological and Cognitive Dimensions. *Filosofiya i sotsial'nye nauki – Philosophy and Social Sciences*. 2. pp. 56–60.
8. Leont'eva, E.Yu. (2006) *Ratsional'nost' i ee tipy: genezis i evolyutsiya* [Rationality and its types: genesis and evolution]. Moscow: Izd-vo Mosk. psikh.-sotsial'nogo in-ta. Voronezh: MODEK.
9. Popov, V.V. & Shcheglov, B.S. (2006) *Teoriya ratsional'nosti (neklassicheskiy i postneklassicheskiy podkhody)* [Theory of rationality (non-classical and postnonclassical approaches)]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
10. Leont'eva, E.Yu. (2006) *Ratsional'nost' i ee tipy: genezis i evolyutsiya* [Rationality and its types: genesis and evolution]. Moscow: Izd-vo Mosk. psikh.-sotsial'nogo in-ta. Voronezh: MODEK.
11. Euclid. (1949) *Nachala. Knigi VII–X* [The elements. Books VII–X]. Translated from Ancient Greek by D.D. Mordukhay-Boltovskiy. Moscow, Leningrad: Gos. izd-vo tekhniko-teoreticheskoy lit.

12. Zarubina, N.N. (2009) Evolving rationality in a globalizing world under impact of money. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 38–48. (In Russian).
13. Shvyrev, V.S. (2003) *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury. Traditsiya i sovremennost'* [Rationality as a value of culture. Tradition and modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya.
14. Demina, N.A. & Pavlov, A.P. (2011) Ratsional'nost' kak osnova reprezentatsii sotsial'noy real'nosti [Rationality as a basis for the representation of social reality]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 8 (14):II. pp. 71–75.
15. Korsgaard, Ch.M. (1996) *The Sources of Normativity*. New York: Cambridge University Press.
16. Giddens, A. (2005) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturalizatsii* [The Disposition of Society: An Essay on Structuration Theory]. Translated from English by O.V. Inshakov. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt.
17. Sivirinov, B.S. (2003) Sotsial'naya ratsional'nost' kak komponent sotsial'noy perspektivy [Social rationality as a component of a social perspective]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 3–12.
18. Martishina, N.I. (2000) Ratsional'nost' i nauchnost': k opredeleniyu sootnosheniya ponyatiy [Rationality and scientificity: to the definition of the correlation of concepts]. *Filosofiya nauki*. 2. pp. 21–25.
19. Toshchenko, Zh.T. (2008) *Paradoksal'nyy chelovek* [A paradoxical person]. Moscow: YuNITI-DANA.
20. Nemirovskiy, V.G. (2006) Massovoe soznaniye i bessoznatel'noye kak ob'ekt postneklassicheskoy sotsiologii [Mass consciousness and the unconscious as an object of postnonclassical sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 13–19.
21. Zaslavskaya, T.I. (2002) O sotsial'nom mekhanizme postkommunisticheskikh preobrazovaniy v Rossii [On the social mechanism of post-communist transformations in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 3–16.
22. Kolbanovskiy, V.V. (1996) Irratsional'nost' i konservativizm [Irrationality and conservatism]. *Voprosy sotsiologii*. 6. pp. 82–87.
23. Mudragey, N.S. (2002) *Ocherki istorii zapadno-evropeyskogo irratsionalizma* [Essays on the history of Western European irrationalism]. Moscow: Nauka.
24. Chernaya, A.N. (2010) Vzaimosvyaz' ratsional'nogo i irratsional'nogo v kontseptsii filosofii istorii A. Toynbi [Interrelation of rational and irrational in A. Toynbee's concept of philosophy of history]. *Nauka. Religiya. Suspil'stvo*. 2. pp. 134–141.
25. Komarov, V.D. (2009) Tekhnologicheskaya ratsional'nost' i osobennosti tekhnologicheskikh nauk [Technological rationality and features of technological sciences]. In: Ivanov, B.I. et al. (eds) *Nauchnaya ratsional'nost': vozmozhnosti dialoga* [Scientific rationality: the possibilities of dialogue]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo.
26. Fen'vesh, T.A. (2010) Sotsial'no-antropologicheskie aspekty ratsional'nosti v kontekste filosofii russkogo kosmizma [Socio-anthropological aspects of rationality in the context of the philosophy of Russian cosmism]. In: Trufanov, D.O., Fen'vesh, T.A. & Starikov, P.A. *Obshchestvo, kul'tura, tvorchestvo v kontekste problemy sotsial'noy ratsional'nosti* [Society, culture, creativity in the context of the problem of social rationality]. Krasnoyarsk: Branch of St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law.
27. Moiseev, N.N. (1998) *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [The fate of civilization. The path of reason]. Moscow: Izd-vo MNEPU.
28. Pareto, V. (2008) *Kompendium po obshchey sotsiologii* [Compendium on General Sociology]. Translated from Italian by A.A. Zotov. Moscow: HSE.
29. Weber, M. (1990) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German by Yu.N. Davydov. Moscow: Progress. pp. 602–643.
30. Lapin, N.I. (1996) Problema ratsional'nosti i perspektivy razvitiya rossiyskoy sotsiologii [The problem of rationality and the prospects for the development of Russian sociology]. *Voprosy sotsiologii*. 6. pp. 77–80.
31. Nikiforov, A.L. (1999) Sootnosheniye ratsional'nosti i svobody v chelovecheskoy deyatel'nosti [The correlation of rationality and freedom in human activity]. In: Lektorskiy, V.A. (ed.) *Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn.* [Rationality at a crossroads: in 2 books]. Book 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. (ROSSPEN).
32. Pirozhenko, V. (2002) Naukova ratsional'nist': tsinnisna norma i metodologichniy regul'yativ [Scientific rationality: value norm and methodological regulation]. *Visnik Natsional'noi Akademii nauk Ukraini*. 8. pp. 45–52.
33. Belozеров, A.B. (2011) Kommunikativnaya ratsional'nost' v kontekste postneklassicheskoy nauki [Communicative rationality in the context of postnonclassical science]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nye nauki*. 2. pp. 62–65.
34. Zeynalov, G.G. (2012) Poiski novoy ratsional'nosti v nauke [The search for new rationality in science]. *Uchebnyy eksperiment v obrazovanii*. 2. pp. 5–12.
35. Lipskiy, B.I. (1997) [Rationality, truth, communication]. *Chelovek – Filosofiya – Gumanizm* [Man – Philosophy – Humanism]. Abstracts of the First Russian Philosophical Congress. 4–7 June 1997. Vol. 3. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 85–87. (In Russian).
36. Parsons, T. (2002) *O strukture sotsial'nogo deystviya* [On the structure of social action]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
37. Flivbjerg, B. (2007) Rationality and power: once again on case study. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 1–22. (In Russian).
38. Khunagov, R.D. (1995) Problema ratsional'nosti organizatsionnykh struktur [The problem of rationality of organizational structures]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 122–131.
39. Genov, N. (2007) Organizational rationalization in Eastern Europe: achievements and limits. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 1–27. (In Russian).
40. Shveri, R. (1995) Teoriya ratsional'nogo vybora: analiticheskiy obzor [The theory of rational choice: an analytical review]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2. pp. 43–57.
41. Shvyrev, V.S. (2003) *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury. Traditsiya i sovremennost'* [Rationality as a value of culture. Tradition and modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya.
42. Maslova, S.V. (2007) Post-modern rationality as the factor of forming the myth destructing and myth constructing tendencies in modern culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 301. pp. 39–42. (In Russian).
43. Avtonomova, N.S. (1988) *Rassudok. Razum. Ratsional'nost'* [Reason Mind. Rationality]. Moscow: Nauka.
44. Leont'eva, E.Yu. (2006) *Ratsional'nost' i ee tipy: genezis i evolyutsiya* [Rationality and its types: genesis and evolution]. Moscow: Izd-vo Mosk. psikholog.-sotsial'nogo in-ta. Voronezh: MODEK.
45. Mamardashvili, M.K. (2010) *Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional'nosti* [Classical and non-classical ideals of rationality]. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus.
46. Fedotova, V.G. (1999) Sotsial'naya ratsional'nost' i demokraticeskoe obshchestvo [Social rationality and a democratic society]. In: Lektorskiy, V.A. (ed.) *Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn.* [Rationality at a crossroads: in 2 books]. Book 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. (ROSSPEN), Kn. 1. pp. 295–313.
47. Kasavin, I.T. (1995) O situatsiyakh problematizatsii ratsional'nosti [On problematization of rationality]. In: Pruzhinina, B.I. & Shvyreva, V.S. (eds) *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya* [Rationality as a subject of philosophical research]. Moscow: IPh RAS.
48. Trufanov, D.O. (2013) Rationality as a Sociological Category, Free from Evaluation. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 6(8). pp. 1195–1204.
49. Naydysh, V.M. (2012) Rationalism and postmodernism. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya – RUDN Journal of Philosophy*. 2. pp. 6–14. (In Russian).
50. Euclid. (1949) *Nachala. Knigi VII–X* [The elements. Books VII–X]. Translated from Ancient Greek by D.D. Mordukhay-Boltovskiy. Moscow, Leningrad: Gos. izd-vo tekhniko-teoreticheskoy lit.

51. Zdravomyslov, A.G. (1990) Printsip ratsional'nosti v sovremennoy sotsiologicheskoy teorii (gnoseologicheskie i kul'turologicheskie osnovaniya) [The principle of rationality in modern sociological theory (gnoseological and cultural grounds)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 3–15.
52. Trufanov, D.O. (2018) Socialization from the Point of View of Postnonclassical (Universum) Sociological Theory of Rationality. In: Morese, R., Palermo, S. & Nervo, J. (eds) *Socialization – A Multidimensional Perspective*. London, UK: IntechOpen.
53. Dobren'kova, V.I. (ed.) (1994) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': Teksty* [American sociological thought: Texts]. Moscow: Moscow State University.
54. Shokhov, A. (n.d.) *Skhema nauchnogo issledovaniya v postneklassicheskoy nauke* [A scheme of scientific research in postnonclassical science]. [Online] Available from: <http://www.socium.com.ua/shema.doc>. (Accessed: 29.07.2018).
55. Luhmann, N. (1991) Tavtologiya i paradoks v samoopisaniyakh sovremennogo obshchestva [Tautology and paradox in the self-description of modern society]. Translated from German. In: Vinokurov, V.V. & Filippov, A.F. (eds) *SOTSIO-LOGOS* [SOCIO-LOGOS]. Moscow: Progress.
56. Becker, D. (1991) V obshchestve – ob obshchestve [In society about society]. Translated from English. In: Vinokurov, V.V. & Filippov, A.F. (eds) *SOTSIO-LOGOS* [SOCIO-LOGOS]. Moscow: Progress.
57. Vygotskiy, L.S. (2011) *Myshlenie i rech'* [Thinking and speaking]. Moscow: AST: Astrel'.
58. Luhmann, N. (1991) Tavtologiya i paradoks v samoopisaniyakh sovremennogo obshchestva [Tautology and paradox in the self-description of modern society]. Translated from German. In: Vinokurov, V.V. & Filippov, A.F. (eds) *SOTSIO-LOGOS* [SOCIO-LOGOS]. Moscow: Progress.
59. Shevchenko, A.A. (1994) *Ustoychivoe razvitiye i evolyutsiya idei ratsional'nosti* [Sustainable development and evolution of the idea of rationality]. Novosibirsk: Institute of Philosophy and Law, SB RAS.
60. Stepin, V.S. (1989) Nauchnoye poznanie i tsennosti tekhnogennoy tsivilizatsii [Scientific cognition and values of a technogenic civilization]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 3–18.
61. Shvyrev, V.S. (2003) *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury. Traditsiya i sovremennost'* [Rationality as a value of culture. Tradition and modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya.
62. Trufanov, D.O. (2012) Rationality as a social fact. *European Social Science Journal*. 3. pp. 309–318. (In Russian).
63. Zakharov, A.A. (1978) *Muravey, sem'ya, koloniya* [An ant, a family, a colony]. Moscow: Nauka.
64. Lugovskoy, V. (2007) "Raspredeleennyy mozg" murav'inoi sem'i ["Distributed Brain" of the ant family]. *Nauka i zhizn'*. 3. pp. 66–71.
65. Popper, K.R. (2002) *Ob'ektivnoye znanie. Evolyutsionnyy podkhod* [Objective knowledge. An evolutionary approach]. Translated from English by D.G. Lakhuti. Moscow: Editorial URSS.
66. Trufanov, D.O. (2013) Rationality as an issue of sociology. Post-nonclassical (universum) approach. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 60–69. (In Russian).
67. Kravchenko, S.A. (2007) *Sotsiologiya: paradigmy skvoz' prizmu sotsiologicheskogo voobrazheniya* [Sociology: paradigms through the prism of sociological imagination]. 3rd ed. Moscow: Ekzamen.
68. Ritzer, J. (2002) *Sovremennyye sotsiologicheskie teorii* [Modern sociological theory]. Translated from English by A. Boykov, A. Lisitsyn. 5th ed. St. Petersburg: Piter.
69. Mnatsakanyan, M.O. (2015) *Postmodernizm. Proiskhozhdenie, priroda i mesto v sovremennoy sotsiologii* [Postmodernism. The origin, nature and place in modern sociology]. Moscow: YuNITI-DANA.
70. Artamonov, G.N. (2016) *Sistemnoye upravleniye razvitiem intellektual'nogo potentsiala uchashcheyshya molodezhi* [System management of the development of the intellectual potential of students]. Sociology Dr. Dis. Moscow.
71. Parsons, T. (2002) *O strukture sotsial'nogo deystviya* [On the structure of social action]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
72. Davydov, Yu.N. (1996) M. Veber i problema interpretatsii ratsional'nosti [M. Weber and the problem of interpreting rationality]. *Voprosy sotsiologii*. 6. pp. 71–77.
73. Kartashev, D.E. (2009) *Ratsional'nost' kak sotsial'nyy fenomen* [Rationality as a social phenomenon]. Abstract Philosophy Cand. Dis. Saransk.
74. Lindenberg, S. (2001) Social rationality versus rational egoism. In: Turner J. (ed.) *Handbook of Sociological Theory*. New York: Kluwer Academic/Plenum.
75. Prigozhin, A.I. (1995) *Sovremennaya sotsiologiya organizatsiy* [Modern sociology of organizations]. Moscow: Interfaks.
76. Shyutts, A. (2003) Problema ratsional'nosti v sovremennom mire [The problem of rationality in the modern world]. In: Alkhasov, A.Ya. (ed.) *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. Translated from English by A.Ya. Alkhasov, N.Ya. Mazlumyanova. Moscow: In-t fonda "Obshchestvennoye mnenie".
77. Sivirinov, B.S. (2003) Sotsial'naya ratsional'nost' kak komponent sotsial'noy perspektivy [Social rationality as a component of a social perspective]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 3–12.
78. Nemirovskiy, V.G. (2005) Neklassicheskie i postneklassicheskie podkhody v sovremennoy rossiyskoy sotsiologii [Non-classical and postnonclassical approaches in modern Russian sociology]. *Sotsiologiya. Zhurnal Rossiyskoy sotsiologicheskoy assotsiatsii*. 2. pp. 19–31.
79. Nemirovskiy, V.G., Nevirko, D.D. & Grishaev, S.V. (2003) *Sotsiologiya: Klassicheskie i postneklassicheskie podkhody k analizu sotsial'noy real'nosti* [Sociology: Classical and postnonclassical approaches to the analysis of social reality]. Moscow: RSUH.

Received: 27 August 2018